

Никита Измайлов

КОКОН

Никита Измайлов

Кокон

«Издательские решения»

Измайлов Н.

Кокон / Н. Измайлов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855168-0

Николай Евсеев по приглашению работодателя переезжает из города в село, которое было модернизировано и отстроено заново этим самым работодателем парня, известным меценатом. В ходе произведения описывается превращение главного героя в серийного убийцу, который совершает каждое новое преступление, желая убрать всех свидетелей предыдущего и всё больше сходя с ума. Сможет ли он остановиться и раскаяться? Как он стал ТАКИМ? Ответы на эти вопросы появятся по ходу действия...

ISBN 978-5-44-855168-0

© Измайлов Н.
© Издательские решения

Кокон

Никита Измайлов

© Никита Измайлов, 2017

ISBN 978-5-4485-5168-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

3 октября 2011 года.

«Ну кто там ещё? Войдите!» – донёсся недовольный голос следователя Васнецова из своего кабинета, когда в дверь постучали.

Вошёл высокий, худой и довольно щуплый парень, держа в руках стопку документов.

– Вот, Кирилл Алексеевич, ещё куча бумаг, – начал парень. – Сказали составить отчёт о работе за прошлый месяц, который вы «вовремя не подготовили». Кстати, тут *такие* местные криминальные новости: ограбили пивной ларёк, украли голову памятника Ленину, украли несколько бутылок спиртного из местного бара-ресторана, избили...

– Ясно—понятно, не надо мне это всё размусоливать. *Такие* дела нас не касаются, у нас тут отделение Следственного комитета по району, а не завшивленный полицейский участок... – перебил его следователь и вдруг расхохотался, – Ну и народ пошёл..., ну... хех, ну грабёж пивного ларька святое дело для местной шпаны, но украсть... хех, голову Ленина! Кто это придумал? Они там совсем дошли уже!

– Вот и я, Кирилл Алексеевич, считаю, что это бред. Берёте отчёт?

– Уноси его отсюда, спихни кому угодно, только не мне! – замахал руками Васнецов. – У меня сейчас действительно важное дело, о котором я так долго мечтал.

– Это вы про трагедию в посёлке Дегтярёво? – осведомился парень.

– Да, да, именно им я сейчас и занимаюсь... и весьма занят.

– А это Дегтярёво неподалёку отсюда? Надо будет в Интернете поискать.

– Эх, Вася, не «посёлок Дегтярёво», а «посёлок Дегтярёва». То есть покойного Арсения Геннадьевича Дегтярёва, земля ему пухом. Сам посёлок называется как-то... так... сейчас... Маресьево что ли. Арсений Геннадьевич буквально отстроил его заново после того, как поселился неподалёку.

– А это правда, что Дегтярёв стал одной из жертв того страшного маньяка, что объявился в посёлке? – поинтересовался Вася.

– Правда, правда... этот ублюдок положил немало людей. В том числе и Дегтярёва, который, кстати, обеспечил своего убийцу достойной работой и дал путёвку в жизнь. Лучше бы не давал... Арсений Геннадьевич был весьма богат, не олигарх ещё, но недалеко от этого. И ведь сам всё заработал, честным трудом. Не нагрabил, как у нас часто бывает; не получил в наследство, а сам добыл. Умный ведь был. Действительно умный. Столько вложил в этот посёлок! Почти всё построил или перестроил.

– А зачем это всё? Просто так, без малейшей выгоды для себя?

– Покойный Дегтярёв был настоящий филантроп. И до переезда в это грёбанное Маресьево он, как только сколотил нужное состояние, стал помогать самым разным благотворительным фондам, организациям. Уважение получил, орденом Святой великомученицы Екатерины награждён, его по телевизору показывали, о нём в газетах писали несколько раз. Не только в городских и районных, но и областных и, кстати, раза два во всероссийских. Странно, что он не перебрался хотя бы в областной центр (не говоря уже про столицу), а всё в своём горо-

дишке сидел. А ведь у него немало связей было! Потом переехал в этот посёлок под городом. Выкупил там всю землю, где никто не жил (а это почти вся территория), снёс ветхие избы, разделил на участки, стал продавать совсем по дешёвке дачникам. Много желающих откликнулось, и скоро людей там стало раз в десять больше, чем раньше. На свои деньги реконструировал больницу, построенную ещё в 19 веке; церковь, разрушенную ещё в 20-е годы прошлого века при большевиках; парк создал; построил два таунхауса; восстановил и заасфальтировал дороги. Да такие дороги у нас и в крупных городах нечасто увидишь. А ведь не только для себя. Себе он отдельный особняк построил, поодаль. Одним словом, создал в России то, чего скорее всего раньше никогда не было. Такой себе «минигород». Была у него своя строительная компания с отделениями в Нижнем Новгороде, Екатеринбурге и Москве. Он не оставил её, когда переехал из родного города. Продолжал контролировать из...

– Это всё понятно, – перебил, не выдержав, Вася, – но всё-таки интересней узнать про того самого убийцу, Кирилл Алексеевич.

Следователь потянулся в своём кресле.

– Вечно тебе хочется послушать про всяких отморозков. Ну, если честно, даже я, хоть и веду дело, до конца всего не знаю. Но могу кое-что рассказать.

– Пожалуйста, Кирилл Алексеевич, умоляю, расскажите! – встрепенулся парень.

– Ладно, ладно, не суетись. Расскажу, без проблем. Сейчас как раз будет перерыв. Пойдём в буфет, по дороге и расскажу, – ответил Васнецов.

Как только начался перерыв, буквально через две минуты, оба вышли из кабинета. Кирилл Алексеевич закрыл дверь на ключ и начал рассказ.

Рассказывал он так подробно, как только мог. Но ведь Васнецов, хоть и пытался во всём разобраться, не сумел бы передать все подробности произошедшего, и, главное, всего того, что чувствовал серийный убийца.

Так давайте же узнаем, как всё было до самых подробностей. Как совершилось то, что совершилось. И, конечно, как будущий маньяк шёл к *этому*.

7 сентября 2011 года. Примерно за три недели до вышеописанных событий.

Дорога казалась не такой уж и длинной, но всё равно скучной и однообразной. Автомобиль, который ехал по ней, был единственным движущимся объектом на пару километров. Сверху он казался небольшим тёмным пятном, ползущим по тонкой ленте дороги.

Люди, сидевшие в нём, относились к поездке по-разному. Первый, ростом чуть выше среднего, со светло—русскими волосами, блестящими зеленоватыми глазами, аристократической осанкой, плавными чертами лица, смотрел в экран своего новенького iPhone 4, играя в какую-то незамысловатую мобильную игру. Второй, высокий шатен с голубыми, уставшими глазами, острым носом и острым подбородком, уныло смотрел в окно, барабанил пальцами по стеклу. Оба находились на задних сидениях.

Третий был сам водитель. Если пассажирам на вид нельзя было дать больше тридцати, то водитель был значительно старше.

Тот, что играл, внезапно посмотрел на второго, слегка ухмыльнулся, включил камеру на айфоне и стал снимать лицо соседа:

«Всем привет! С вами снова я, Костян, и мой друг Кальян, ой... то есть Колян. Шутить я никогда не разучусь. До самой смертиииии! Бу! Запись номер двадцать семь! Николай не выходит на связь! Эй! Колян! Николай Николаевич... Никола... Ник... Никола... Николас Кейдж... Ха! Скажи уже что-нибудь. – Отстань. – Вот это было экспертное мнение нашего Никелодиуса по поводу поездки в Маресьево. Дегтярёв нам предложил работать на него прямо у него же на селе. Ладно, конец записи».

Коля повернулся и внимательно посмотрел на своего друга. Два чувства смешались в нём: желание заткнуть рот Косте, что тот перестал болтать без умолку и развеять тоску, которая не отстучала его почти всю их поездку.

Когда они только выехали из города, было ещё солнечно, стояла ясная погода. Теперь же шёл проливной дождь, а небо было затянуто тёмно-серыми тучами. Но не только это приводило Колю в уныние.

За окном, чередуясь с лесополосой, виднелись полузаброшенные, полуразвалившиеся деревни, с покосившимися домами, откуда веяло бедностью и безысходностью. Редко попадались люди, ещё реже – трезвые люди.

Выехали они не из родного города Дегтярёва (там не было филиала его компании, а наши герои работали в офисе одного из них). Название города, где они жили и работали ранее мы опустим.

– Костя, реально отстань. Итак голова болит, ещё ты...

– Колюн, ты давай не бомби. Мы с тобой наконец-то выбрались из этого гадюшника и теперь на особом положении у Геннадьича. Недаром в это Маресьево он зовёт только лучших работников, чтобы те могли трудиться на свежем воздухе, подальше от всего этого городского дерьма, – последовал ответ.

– Это конечно так, но всё же придётся нехило попотеть, чтобы ещё продвинуться по карьерной лестнице. Меня всё же смущает этот посёлок. Как шеф нам сам говорил: «посёлок нового типа». Что это значит? В Интернете я нашёл, что Арсений Геннадьевич скупил там всю землю, выделил участки, продал дачникам, а потом на свои деньги обустроил всё остальное. Заасфальтировал дороги, построил парк, очистил от грязи и углубил старый пруд и многое другое. Но, самое главное, наш шеф построил там небольшое здание с офисами. Это и есть его третий филиал после Екатеринбург и Нижнего Новгорода (в Москве центральное отделение, ну ты знаешь). Сам филиал, понятное дело, небольшой, даже крохотный по сравнению с другими, но именно туда Дегтярёв созывает своих подчинённых со всех остальных отделений, если их работа, как он говорит: «КЭД – качественна, эффективна, душевна». Что за...?

– Братан, я думаю, что Геннадьич решил сделать так: три отделения (и даже в Москве) для простых сотрудников, а мы, значит, выдающиеся. Радуйся! Говорю же, он нас так приметил.

Голова у Коли к тому времени перестала болеть, и он расслабился на сидении. Парень обратил внимания на их шофёра. Это был крепкого телосложения мужчина лет за сорок с многодневной щетиной и уставшими красноватыми глазами. Большую часть дороги он молчал, и Коле захотелось спросить его о посёлке, куда они едут, и вообще о местности.

– Эй... (как там тебя?) ... слушай, ты знаешь что нибудь об этих местах? – обратился парень к водителю.

И тут оказалось, что Миша (выяснилось, что так звали шофёра) весьма и весьма разговорчив, даже болтлив. Он рассказал о Маресьево примерно то же, что Коля ранее прочитал в Интернете. Зато про остальные сёла и деревни поблизости он говорил много и рассержено.

– Умирает русская деревня, умирает! Не надо быть шибко умным, чтобы это понять. Всякие якобы эксперты из города говорят, что регион у нас видите ли «не самый депрессивный»! А жителям что с того?! Каждый день вижу эти пьяные хари, аж блевать тянет! Пьют здесь люди горькую... как, впрочем, и по всей стране в деревнях.

Воруют чиновники местные, фермеров давят, да всё отчётики свои в центр шлют. Там их подправляют чуток и отсылают в Москву. Коррупция и притворство одно... А что насчёт Маресьево, так это самый настоящий оазис в пустыне. Даже не верится, как у вашего начальника это всё так гладко получилось. Видать связи есть и не маленькие. Мало таких людей сейчас, очень мало.

В целом друзья были согласны с мнением водителя, но им было не до этого. Они только отметили, что шофёр правильные вещи говорит, хоть и простым языком.

Между тем прошло уже часа три с половиной со времени отъезда и вот, наконец, Коля и Костя увидели золотые купола высокой каменной церкви, возвышавшейся посреди Маресьево. Шофёр Михаил (так будет солиднее) ещё успел рассказать «немножечко» про свою личную жизнь и про то, как гостеприимны люди в посёлке Дегтярёва. И да, он добавил, что теперь очень многие неместные называют Маресьево «посёлком Дегтярёва».

Довольные долгожданным приездом, Коля и Костя попросили высадить их на центральной площади (которая со средств Дегтярёва была покрыта плиткой) и щедро заплатили водителю. Тот пожелал им хорошо провести время и подзаработать, выгрузил из багажника три рюкзака и пару сумок с вещами двух друзей и уехал.

Добравшись до коттеджа, который им арендовал шеф, они поставили багаж в холле и сразу же завалились на кровать. Только через полминуты до друзей дошли, что она двухместная. Чтобы не было даже никаких намёков, Костя сразу ушёл в другую комнату. Самое крутое было в том, что не пришлось тащить никаких вещей. Все они уже были доставлены прямо до коттеджа службой доставки, которую опять же оплатил шеф.

– Странный всё же этот Дёготь, – сказал из другой комнаты Костя. Дегтярёвым он шефа называть не любил, а предпочитал «Геннадьич» или «Дёготь». За глаза, конечно.

– Странный, не странный, а спасибо ему за всё это... – пробормотал, засыпая, Коля. Хотя было ещё только 5 часов дня, парень так сильно устал, что отключился почти моментально.

В ванной комнате послышался шум воды...

8 сентября 2011 года.

На этот день была намечена важная встреча с Арсением Геннадьевичем.

К семи часам утра Костя и Коля, в хорошевыглаженных и чистых рубашках и чёрных пиджаках, пришли в офисное здание, расположившееся неподалёку от главной площади, для встречи с начальником. Пока друзья шли к нужному месту, они ещё раз оценили уникальность этого «посёлка нового типа».

Дегтярёв встретил их прямо в коридоре первого этажа (само офисное здание было пятиэтажным). Арсений Геннадьевич был в приподнятом настроении и предложил пройти к нему в кабинет.

Когда все трое зашли, Дегтярёв вызвал секретаршу и сказал ей, чтобы принесла всем кофе.

Стоя с чашкой ароматного напитка у окна, Арсений Геннадьевич заговорил первым: «Вы не замечали, как быстро меняется наша обыденная жизнь в последнее время? Казалось бы, около двух лет вы усердно работали на меня в городе, и нечего не предвещало изменений, а теперь вы здесь и можете видеть мой самый главный проект в жизни.

Посмотрите в окно! Какой вид здесь открывается. Иди всё своим чередом, и это Маресьево исчезло бы с лица земли ещё за лет десять—пятнадцать. Но я, мечтающий о чём то большем, нежели строительство очередного жилого квартала, решил дать этому месту и этим людям второй шанс.

Но меня дико бесит хвастовство. Я не люблю, когда местные называют этот посёлок нового типа «посёлком Дегтярёва». Я ведь не присваивал себе право на название... Ребята, что вы сидите-то? Давайте ко мне, посмотрите в окно».

Окно занимало больше половины стены и Коля с Костей вежливо отказались, сказав, что им и так всё видно.

– Так получается, когда нам выходить на работу? – задал вопрос Коля.

– Что ж, можете начинать завтра или послезавтра. Но помните: поскольку теперь у вас график работы свободней, вам разрешено отлучаться в посёлок на непродолжительное время.

Но! Дисциплина и ещё раз дисциплина. Никакого алкоголя до конца рабочего дня, никаких... хм... отношений на работе....

– Каких отношений? – спросил, чуть прищурившись Костя.

– Ну... вы сами понимаете... никакого флирта. Здесь у нас в коллективе много девушек, порядком больше, чем в городских отделениях. Так что я на вас рассчитываю. Для каждого работника я веду специальное дело, где записываю характеристики, поведение, отзывы с предыдущих мест работы. Я эти дела так и называю: характеристики. Не обижайтесь, но если вы будете вести себя неподобающе, мне придётся записывать это в характеристики. Оценка работника идёт по столбальной системе. За разные провинности у вас будет вычитаться разное количество баллов. И если их станет меньше пятидесяти, то мне придётся вернуть вас в город на прежнее место, а если... если меньше двадцати пяти..., то уволить. На данный момент у вас семьдесят баллов. Старайтесь, и получите значительную прибавку к зарплате.

Помимо этого Дегтярёв рассказал о некоторых привилегиях для работающих именно в этом отделении. Во-первых, половину налога на землю берёт на себя начальник. Во-вторых, в среднем зарплата будет больше, хотя повышения в должности пока не будет. Дегтярёв также сказал, что есть и кое-что «в-третьих», но об этом потом.

Костя и Коля поочерёдно пожали Арсению руки и вышли из кабинета. Рядом с дверью, на скамейке сидела симпатичная девушка моложе их. На Костю она особого впечатления не произвела, чего не скажешь о Коле. И было на что посмотреть!

Стройная блондинка с небесно-голубыми глазами и обворожительной улыбкой. На ней было тёмно-синее платье как раз под цвет глаз.

– Простите, вы тоже на собеседование? – спросила она.

– Да... да..., то есть не совсем... вовсе нет, – пролепетал Коля. – Мы уже работали в компании, просто переводились из городского отделения.

– Ясно, – ответила она. – Тогда, если не трудно, можете помочь?

– Что вам угодно? – встрял Костя.

– Значит, вы вдвоём уже не раз общались с Арсением Геннадьевичем. Скажите, он очень строгий? Какой у него характер и как лучше найти подход?

Друзья переглянулись.

– Дегтярёв не очень строгий, – отвечал Коля, – но довольно требовательный. В отличие от наших городских коллег, нам он обещал ряд поблажек за работу именно здесь, в Маресьево. В том числе, поднятие зарплаты. Но и требования есть... определённые.

И парень пересказал то, что ему самому сказал начальник. Незнакомка внимательно слушала, а затем улыбнулась.

– Большое спасибо, – сказала она. – Будем знакомы, меня зовут Настя, а вас как? Вообще давайте перейдём на *ты*.

– Давайте... давай... меня зовут Коля, а это – мой друг Костя. Мы ещё с университета дружим.

– Очень приятно, – безучастно сказал Костя, – мы, пожалуй, пойдём.

Костя чуть ли не силой оттащил друга от красотки, и они вместе вышли на улицу.

– Да я смотрю, кто-то нехило так втюрился! – насмешливо сказал Костя.

– Да что ты понимаешь? Я давно таких... ну... просто охренительных не видел.

– Ну да... она ничего так...

– «Ничего так»? Да ты куда смотрел вообще? Ладно, я не влюбился. Просто реально красивая девушка. Я сейчас пойду в местные магазинчики, посмотрю что купить на обед и ужин.

– А я сейчас просто погуляю по улицам... всё же *таких* сёл я ещё никогда не видел. В России, по крайней мере.

На этом они разошлись.

9 сентября 2011 года.

Проснувшись рано утром, Коля, понял, что не сможет сегодня подняться на работу. Лень и желание хорошо отоспаться, вот и всё. А ведь Дегтярёв дал им небольшую отсрочку в один день.

Костю и вовсе не получалось разбудить. Спал, как убитый.

Тогда Коля достал свой смартфон (детёныш известной корейской компании, а не айфон, как у друга), лёг обратно на кровать и начал видеозапись:

«Всем доброго утра, это запись номер тринадцать, с вами вновь Николай Евсеев и вчерашняя встреча с шефом прошла успешно. Теперь Костя вырубился и дрыхнет беспробудно, а я страдаю всякой фигнёй, по типу ведения этого видеодневника. Кто это вообще будет смотреть? Хах! Ещё не выходит из головы эта вчерашняя... Настя. Впрочем, если она устроится на работу в этот же офис, мы сможем с ней чаще общаться. Ну... что ж... конец записи».

Коля решил посвятить этот день бесцельному блужданию по просторам Интернета, а, когда ему наскучило, то по просторам широких полей, раскинувшихся к югу от посёлка.

Костя как следует отоспался и стал смотреть фильмы, скаченные ещё в городе.

10 сентября 2011 года.

Этот день стал первым рабочим днём Коли и Кости. Пришлось рано вставать, быстро одеваться и идти в офис. Но! Только тут друзья ощутили весь кайф не только оживания, но и работы на природе.

Долой пробки, суету, смог, парковки – всё то, к чему оба так привыкли. Чистый воздух, мало людей, почти нет машин... о чём ещё мечтать по пути на работу?

Сам офис оказался весьма уютным и чистым. На входе Коля столкнулся с Настей. Они поздоровались и разошлись по своим делам.

За работу Коля принялся со всем усердием, которое у него только было. Здесь особо не приходилось возиться с бумагами, но вот систематизировать все данные о планах массовой застройки в области пришлось. Когда всё было готово и перенесено в компьютер, уже наступил обеденный перерыв. График и правда оказался более свободным, и Костя с Колей сходили в кафе неподалёку. Костя сначала настаивал на поход в местный бар, расположенный в трёхстах метрах отсюда, но Коля твёрдо заявил, что не будет испытывать Дегтярёва на честность и проверять, уволит ли он их за это или нет.

В кафе Коля вдруг заметил довольно нервное поведение своего друга. Как позже выяснилось это всё ещё были последствия того, что около пяти-семи недель назад Костя бросил курить. Они поговорили о том, стоит ли Коле продавать свою квартиру в городе (Костя жил на съёмной), о выборах в декабре и многом другом, уже вовсе отстранённом и не очень интересном для простого обывателя. Затем они вернулись в офис.

Остальная часть рабочего дня прошла без каких либо стоящих событий, только один раз к ним заглянул начальник и спросил, как им на новом месте.

Вечером, когда друзья возвращались в свой коттедж, Косте показалось, что в одном из оврагов между участками (крошечный кусок «ничейной» территории) лежит что-то большое и тёмное. Уже спускались сумерки, и парню было непросто разглядеть, что это именно. Он сам подошёл к оврагу и подозревал Колю.

– Что там? – спросил Коля.

– Похоже на... человека. Вероятно труп. – ответил Костя.

– Что значит «вероятно»? Откуда ты знаешь, да и почему сразу труп?

– Сейчас и проверим, – сказал, ухмыльнувшись, Костя и наклонился к телу.

Он двумя пальцами нащупал артерию не шее...

– Жив! – довольно произнёс парень.

– Не пугай так, не смешно ни фига.

– Наверное, алкаш какой-нибудь.

– Странно, совсем нет запаха алкоголя.

Коля заподозрил, что тут что-то не так, и начал трясти лежащего. Тот не сразу, но пришёл в себя. И Евсеев был прав: молодого мужчину, лежавший в овраге, оглушили ударом по затылку, а затем оттащили к оврагу. Парень представился Евгением, поблагодарил Колю и Костю за помощь и сказал, что непременно отправиться в местный полицейский участок (только тут друзья узнали о его существовании в Маресьево) и написать заявление. У Евгения, помимо всего прочего, исчез кошелек и наручные часы.

Когда Евгений ушёл, Коля обратился к другу: «Почему ты так радовался, когда подумал, что нашёл труп? У тебя всё в порядке с головой?»

– Прости, я не честно не радовался, просто азарт какой-то нашёл на меня. Со мной такое иногда ведь бывает, ты и сам знаешь. Когда мне скучно.

И Костя не соврал...

11 сентября 2011 года.

Этот день выдался довольно скучным и незапоминающимся. Кроме одного момента, но об этом чуть позже.

На работе всё было спокойно. Дегтярёв один раз вызвал к себе Колю и сказал: «Николай, у меня есть некоторые надежды в отношении вас. Вы замечательно проработали два года на старом месте, но и здесь не сбавляете обороты. Похвально... что за дурацкое слово?... прекрасно. Вы идёте у меня на повышение в должности. Помимо этого я сейчас ищу человека, который бы сопровождал и консультировал меня в сфере продаж во время моего визита японских коллег в Июкогаме. Если вы в ближайшее время не подведёте меня, то я продолжу склоняться к мысли взять именно вас».

У Коли заблестели глаза. Он радостно пообещал ничего не нарушать и уже выходил из кабинета, когда, стоя в дверях, повернулся и спросил: «А как же Костя?»

– Твой друг хороший сотрудник, хоть и немного менее старательный и гораздо менее креативный (пусть уже обижается). Если вы оба будете стараться, то ты полетишь со мной, а он получит большую премию.

Коля ещё раз поблагодарил и вышел. Он считал, что Костю Дегтярёв недооценивает, но поделать ничего не мог.

А теперь тот самый приятный момент... По пути назад к рабочему столу Евсеев в буквальном смысле столкнулся с Настей. Она была в строгом деловом костюме, с причёской конский хвост.

– Ну и как вам здесь, нравится? – спросил, придя в себя Коля.

– Да... очень даже... здесь... просто классно – так мило и как-то по-детски проговорила Настя, что совсем не вязалось с её рабочим стилем.

Евсеев вдруг понял, что хочет побыть с ней подольше рядом и предложил прогуляться вместе во время обеденного перерыва. Она *согласилась*.

В тот момент Коле стало казаться, что наступила его белая полоса жизни. Хотя то, что было в течение двух прежних лет на чёрную полосу не тянуло, тянуло на серую.

12 сентября 2011 года.

«Запись номер четырнадцать. Всем здравия, с вами человек, которому вчера реально улыбнулась удача! Мало того, что начальник может взять меня на важные переговоры в Японию, так ещё я вчера ходил в ресторан с Настей из бухгалтерского отдела. Он просто обворожительна!»

Сегодня, кстати, мы с Костяном твёрдо решили сходить в местный бар. Пусть и «нового типа», но всё же это бывший посёлок. Из нормальных заведений, где можно нормально поесть и выпить, здесь лишь пару кафешек, ресторан и этот бар. Только главное, чтобы Дегтярь ничего не прознал, а то плакали мои характеристики и поездка с шефом за границу. Ладно, надо договориться с Костей о том, когда отправимся зажигать. Хотя, если честно, придётся быть тише воды, ниже травы. Что ж, C'est la vie...»

Это был конец ещё одной записи. Коля был в предвкушении вечера. Но он помнил, что если и отрываться, то аккуратно и поменьше алкоголя.

Идти к Косте не пришлось, он сам выскочил как угорелый из своей комнаты, крича: «Согласилась, согласилась!»

На радостях Костя рассказал другу, что Маша Ожегова, которая работала с ними в одном офисе в городе, и с которой он всё это время часто переписывался, согласилась с ним встречаться.

К Маше Коля относился скорее нейтрально, всё же считая её слишком легкомысленной, но был искренне рад за друга.

Вот и настал желанный вечер!

Быстро собравшись, друзья выдвинулись в сторону бара. Дошли до него всего за шесть минут.

Внутри играла громкая музыка, пахло самым разным алкоголем и было действительно весело. Коля и Костя уселись за барную стойку и началось...

Через двадцать три минуты Евсеев был навеселе, что не скажешь о его друге... тот был просто в хлам. Костя вливал в себя пиво кружку за кружкой, потом перешёл на алкококтейли.

Почти рядом сидела группа поддатых молодых людей, очевидно местных, громко разговаривавших о чём-то и временами громко смеявшихся.

Коля посмотрел на них, выпил, ещё раз посмотрел и сказал: «Эй, пацаны, давайте вы с нами!»

Те переглянулись и подошли. Один из них, явно главный, обратился к парню: «Что отмечаешь, брат? Или просто так бухаешь?»

– Да мы с Костяном так, просто недавно сюда переехали, и вот пробуем местный бар, – ответил Евсеев.

– Ну ясно, что тут говорить... вам тут точно понравится. *Теперь* особенно.

В целом, разговор шёл нормально, без конфликтов. Местные ребята уже хотели уходить, как появился пьяный Костя, пропавший на время разговора в туалете.

И всё бы ничего, но Косте как-то не понравилось выражение лица главного и он выкрикнул: «Слыш, ты, урод, ты чё тут забыл?»

Реакция была молниеносной. Группа окружила друзей, их как следует обматерили, главный потребовал извинений. Коля как мог пытался уладить назревающую ссору и уговорить Костю извиниться, но безуспешно. Тогда местные перешли от слов к делу. В баре к тому времени уже было мало людей, даже бармена не было (его по каким-то причинам заменял сам хозяин заведения). Поэтому никто к драке не присоединился, и она продолжалась не больше восьми минут. Её конец был очевидным.

Коле очень сильно досталось по левой почке и болел ушибленный нос. Костя, пошатываясь (от выпитого), потирал колено. Несмотря на всё, что произошло, Евсееву всё же удалось договориться с местными ребятами о том, что никто о драке не узнает. Но, уходя, их главный бросил такие слова: «Ну смотри, Ни-ко-лай, здесь ведь частенько бывают твои коллеги, они-то с радостью настучат на тебя, чтобы твои характеристики подпортить и самим вперед вырваться...»

Евсеева буквально передёрнуло.

– Слушай, а откуда ты про характеристики знаешь? – спросил он дрожащим голосом.

– Да общался тут с одним из ваших, с тобой работает, но кто он не скажу. Всё... бывай...

И скрылся за дверь.

И тут сознание Евсеева помутилось. Он задрожал всем телом и повернулся к еле стоявшему на ногах Косте.

– Пойдём домой, Коль, выспимся... отдохнём. Мы и правда перебрали, братан, – заплетаясь языком выговорил Костя.

– *Мы перебрали? Мы?!!! Нет... нет... это ты, свинья, нажрался. И это из-за тебя меня скорее всего лишат повышения, возможности поехать в Японию на совещание, а может и вовсе выкинут на улицу!!!* – заорал не своим голосом Коля.

– Что?... Прости, никто тебя не уволит, браток, а у меня... повод... есть... Маша..., – пролепетал, икая, Костя.

Но Евсеев его уже не слушал. Он схватил друга за расстёгнутую ветровку, надетую поверх футболки, и начал бить его по голове. Первые пару ударов пришлись по затылку и чуть ниже, зато следующие наносились уже точно по центру головы.

Костя сначала пытался сопротивляться, затем что-то едва слышно говорил, а затем из его глаз потекли слёзы... Ещё удар и его тело обмякло в руках Евсеева.

К тому моменту в баре кроме них был только хозяин, который отошёл в подсобное помещение и вернулся тогда, когда Костя уже потерял сознание. Итак, хозяин бара видел лишь самый конец потасовки, когда Евсеев последний раз ударил по голове Костю, и последний потерял сознание. Сначала хозяин бара хотел вмешаться, но затем рассудил, что это не более чем банальная драка двух подвыпивших приятелей и волноваться не стоит (тем более он успел увидеть лишь последний удар по голове). К тому же хозяин не успел даже понять, что Костя без сознания, как Коля вытащил его за шиворот из бара на улицу.

13 сентября 2011 года.

Оттащив Костю на метров пять-семь от двери бара, Евсеев попытался поставить его на ноги, поддерживая рукой за плечо.

– Давай, не притворяйся, Метлин, я то знаю, что ты не вырубился! – в ярости закричал Коля. – Сейчас ты за всё ответишь! *Я научу тебя отвечать!*

Он на лишь на мгновения отпустил Метлина, то есть Костю, и тот мягко и тихо сполз вниз на не начавшую ещё желтеть траву.

Здесь следует подробней описать расположение бара и то, что находилось (да и сейчас находится) рядом с ним. Сам бар находился не на совсем на глухой окраине, но поблизости от неё. Бар представлял собой одноэтажное кирпичное здание, стилизованное под фахверковые немецкие дома. Пол внутри был деревянный (но об этом позже).

Рядом, в метрах пятнадцати, пролегает асфальтовая дорога. К ней, прямо оттуда, где имели место двери бара, до сих пор тянется узенькая дорожка, посыпанная гравием. Прямо на полпути между входом в здание и дорогой, стояла скамейка.

Так вот, в ту ночь, как и во многие другие бессонные ночи, на ней коротал время бывший зоотехник конезавода соседнего села Пётр Семёнович, а после выхода на пенсию просто Семёныч. В округе его все хорошо знали и знали как очень хорошего человека.

Когда Семёныч увидел, что из бара вышли последние посетители, решил: пора и ему идти домой, а то засиделся уже. Этими посетителями и были двое друзей.

Всё шло нормально, до того момента, когда Семёныч вдруг понял, что с одним из приятелей что-то не так. Он не просто едва волочился: он полностью обвис на втором. «Мало ли, наверняка пьяный», – сначала подумал старик.

Но когда пенсионер увидел, как Костя упал на землю, то уже слегка встревожился. Встал со скамьи, подошёл посмотреть, проверить: не нужна ли помощь.

А уж когда увидел кровавый след на голове Кости и дрожавшего от страха Колю, то по-настоящему испугался. Евсеев тогда только осознал, *что* натворил.

Действовать нужно было решительно. Старик с трудом наклонился к лежавшему и проверил пульс. Есть! Значит жив... Семёныч стал сразу набирать телефон скорой помощи.

Как уже было сказано, в Маресьево была собственная больница. На средства Дегтярёва она была отремонтирована, к тому же появилась своя скорая помощь.

Машина подъехала достаточно быстро. И пока Евсеев стоял в ужасе, мгновенно протрезвевший от вида неподвижного тела своего друга. «Только бы не... только бы выжил!» – крутилось у него в голове. Между тем бригада скорой помощи загрузила Костю на носилки и положила внутрь автомобиля. Врач, наскоро обследовавший пострадавшего сказал, что у него, вероятно, сотрясение мозга от множественных ушибов, и нужно немедленно везти его в больницу. В спешке мужчина не стал задавать себе вопрос: а *откуда* у пациента столько ударов по голове? Абсолютно растерянному и расстроенному Евсееву он сказал, что с его другом всё будет хорошо, что «состояние пациента не вызывает беспокойства» и что Коле лучше будет пойти домой, успокоится и лечь спать. Конечно, ни Пётр Семёнович, ни врачи скорой помощи не знали, что перед ними виновник... а хозяин бара уже ушёл домой через задний двор, не желая вмешиваться.

Проснулся Коля в десять часов утра, его тошнило, голова дико раскалывалась.

Кое-как придя в себя, Евсеев встал, умылся, быстро оделся и, не позавтракав, отправился в местную больницу.

Там оказалось очень и очень пустынно и тихо. Пациентов и так почти не было, а это ещё был субботний день. На первом этаже трое охранников, во всём здании – лишь несколько врачей в кабинетах, разбросанных по этажам. Была ещё женщина на регистратуре, которая и подсказала Евсееву, где искать врача, который вчера обследовал Метлина (на вопрос: где находится сам Костя? она не ответила, посоветовав всё узнать у врача).

Евсеев без проблем нашёл нужный кабинет на третьем этаже, постучался и вошёл, желая поскорее узнать у доктора, где находится его друг.

Доктор был мужчиной среднего роста, лет за сорок пять. Волосы его начали седеть слишком рано, и виски уже были серебристо-серыми. На расспросы о состоянии Метлина, врач слегка опустил голову и произнёс глухим голосом: «Простите,... мои соболезнования,... ваш друг... умер».

Эти слова словно были выжжены в сознании невольного убийцы. Но таковым Евсеев считал себя лишь первые полминуты, пока собирался с мыслями. Нет! Это было слишком ужасно, чтобы быть правдой! От одной лишь мысли о своей вине в этом хотелось умереть. Но... скопившаяся жажда одним мигмом исправить всё, что уже нельзя исправить, захлестнула его.

– Как умер? Как мог умереть, если, когда его увозили, один врачей скорой сказал мне, что его состояние не критично? – едва сдерживаясь, начал Евсеев.

– Из-за множественных ударов по голове у Константина образовался тромб, который оторвался сегодня ночью, примерно в три часа. Ваш друг погиб от обширного кровоизлияния в мозг.

– И вы с таким спокойствием мне об этом говорите? – буквально прошипел Коля. – Да и как такое могло произойти, что вы, специалист, не смогли вовремя понять, что с ним? Что вы на это скажете?!

– Для начала попрошу вас успокоиться. Мы с нашим оборудованием не смогли диагностировать тромб... к сожалению. По-хорошему, надо было везти Константина в районную больницу... но времени не было. Да и при обследовании ничего, даже хоть немного настораживающего, не обнаружилось.

Евсеев уже не мог сдерживать эмоции. Он почти уверил себя, что это именно врачи обследовавшие его друга, виновны в его гибели... и, ясное дело, самым виноватым он счёл доктора, сидевшего в тот момент в кресле перед ним.

– Не обнаружилось?! Да ведь это вы по сути... да даже и не по сути... это вы, именно вы его убили! Мерзавец! Ты мне за всё ответишь, «Айболит» ты конченный! Я... я иду в полицию!

Лицо доктора покраснело.

– Так! Мне это надоело, – решительно начал врач, – вы взяли на себя слишком много! Я сказал «ничего настораживающего»? Теперь я чувствую, что ошибался! Эти удары по голове не могут не вызывать подозрения! К тому же, именно вас видели тащащего Метлина (уже без сознания) из этого питейного заведения. Так что скорее *мне* стоит обратиться в полицию, если этого уже не сделали раньше!

Лицо Евсеева посерело.

– Сдохни, гад! – закричал он и, схватив настольную лампу, попытался с размаху врезать ею доктору по лицу.

Однако тот оказался ловчее и успел вовремя перехватить руку Евсеева и выбить лампу. Мужчина (не без труда) скрутил руки Коли у него за спиной.

«Немедленно прекратите, или я охрану позову!» – крикнул врач.

Отчаянно вырываясь, Евсеев пнул доктора ногой в колено. Тот от боли отпустил Колю и ненароком толкнул парня на застеклённый шкаф, полный разнообразных лекарств. Евсеев пошатнулся и упал прямо на шкаф, разбив стекло.

Доктор, потирая колено, потянулся к Коле, чтобы помочь тому подняться. Парень лежал внутри шкафа среди разбитых стеклянных полок, склянок. Его ноги находились за пределами шкафа, безвольно распластавшись на полу. Осколки оставили множество царапин и ссадин на теле Евсеева и несколько довольно глубоких ран. С головы стекали струйки крови...

Невыносимое и необъяснимое бешенство захлестнуло разум Николая с новой силой. Схлестнулись две боли: физиологическая – от ран; и душевная – от потери лучшего друга, в смерти которого он продолжал винить врачей, но никак не себя.

Получившаяся адская смесь придала Коле сил – он встал, поднял с пола осколок, схватил нагнувшегося к нему врача за плечо и вонзил осколок тому в шею.

Кровь захлестала фонтаном: Евсеев попал в «яблочко», а «яблочком» была сонная артерия. По всей видимости осколок прикрыл кровотечение: доктор бешено носился из угла в угол, обливаясь кровью.

Тогда Евсеев схватил его за голову, повернул к себе и выдернул кусок стекла. Это был уже не фонтан, а самый настоящий алый гейзер. Мужчина мгновенно побледнел и упал. Из последних сил доктор прошептал: «Не надо... прошу... позовите кого-нибудь».

Это были его последние слова.

Проверив, точно ли мёртв врач, Коля с трудом приподнял его бездыханное тело и прислонил спиной к рабочему столу. Затем, не думая уже ни о чём, вышел из кабинета и зашагал в туалет...

С каждым шагом Евсеев приближался... к раскаянию. Подойдя к двери туалета, он был уже в полном отчаянии, а когда зашёл внутрь и встал напротив зеркала, то понял: он не хочет больше жить. Попробовал разбить стекло и перерезать саму себе горло стеклом, как несколько минут назад доктору – не получилось. Сколько бы не пытался разбить – зеркало не поддавалось.

Тогда Евсеев просто сел на пол рядом с умывальником и стал ждать, когда всё обнаружится и его возьмут. Но прошло десять минут, двадцать. Прошло полчаса, и затем и час минул. Ничего не случилось.

Спустя два с половиной часа Евсеев очнулся, кое-как поднялся и вышел из туалета. Что дальше делать он точно не знал... Проходя мимо кабинета, где всё и произошло, Николай не выдержал и заглянул внутрь...

Увиденное потрясло его до глубины души. Он сам от себя никогда не ожидал бы такой нечеловеческой жестокости. Промелькнула мысль о том, что заподозрить его могут, но вот доказать вину практически невозможно: камер видеонаблюдения внутри естественно не было, как и отпечатков. Почему? Евсеев посмотрел на свои руки и невольно усмехнулся... Утром было как-то прохладно и парень надел коричневые кожаные перчатки. Перед входом в кабинет он их забыл снять – так волновался... Теперь, безусловно, никаких отпечатков. Посмотрев на ноги Евсеев ещё раз усмехнулся: бахилы.

Постояв ещё несколько минут, Николай вышел, подошёл к окну в коридоре, открыл его... и спустился вниз по водостоку. Так Евсеев оказался на заднем дворе. Парень нашёл небольшую калитку, вышел на улицу (параллельную той, что примыкает к главному входу) и зашагал домой...

Придя домой, Евсеев скинул с себя всю одежду (правда крови на ней почти не было, да и по пути ему не повстречались люди) и принял душ. Парень хотел смыть несмываемое, смыть как обычную грязь. Он чувствовал себя монстром, на время принявшем человеческое обличие. Чтобы не думать об этом, после душа он лёг в кровать и весь оставшийся день пролежал в ней, почти не шевелясь. Чего-то всё время не хватало. Вернее кого-то. Вернее Кости.

14 сентября 2011 года.

С утра у Коли незначительно поднялась температура, болела голова. Воспоминания вчерашнего дня буквально с первых секунд после пробуждения впились в сознание парня. Хорошо, что хотя бы не придётся идти на работу – воскресенье.

Ужасно не хотелось что-либо делать... и вдруг зазвенел стационарный телефон! Неужели его всё же вычислили?! Евсеев подскочил как ошпаренный и вмиг оказался в гостиной и поднял трубку.

– Алло, – услышал он, – есть кто дома?

Голос был таким знакомым...

– Алло, – повторил голос, – Коля, Костя! Вы же сейчас должны быть здесь, я это знаю! Ну хоть кто-нибудь из вас! Зря я что ли выходных ждал?

Сомнений не оставалось – это был голос Матвея.

О, Матвей! Это общий друг Кости и Коли. У него были коротко стриженные светлые волосы, прямой нос, тонкие губы и высокий лоб, он носил очки. Матвей Смирнов знал Евсе-

ева (чуть постарше его) ещё со школы, после её окончания они часто встречались. Затем Коля познакомил Матвея со своим университетским другом Костей. Три друга шли по жизни, полной и печалей, и радостей вместе, всегда помогая друг другу.

Конечно, Матвей понятия не имел, что Метлина уже нет на этом свете.

– Матвей, ты что-ли?! – вскрикнул Коля.

– Ну кто же, если не я, – рассмеялся Смирнов в ответ. – Сам-то ты как тут, в своём Маресьево? Небось со скуки ласты склеил?

– Да... нет..., – запинаясь проговорил Евсеев. – всё хорошо... мне... здесь... нравится...

На какую-то долю секунды его бледное лицо озарилось такой жуткой улыбкой, что Матвей, увидя её, пришёл бы в панику. Но он, естественно, ничего увидеть не мог...

Друзья ещё поговорили о разных вещах. Матвей учился в Москве в МФТИ и собирался стать квалифицированным специалистом в области ядерной физики (Коля и Костя тоже учились в Москве, а не в родном городе, но в разных университетах). Да, говорили о разном: работе; карьере; о том, где лучше всего провести зимние праздники; о политике; о будущей работе Матвея (тот ещё учился в аспирантуре) и многом другом. О девушках в том числе.

– Как там твоя Ксюша поживает? – осведомился Николай.

– В целом, очень даже хорошо. Помнишь, она подхватила воспаление лёгких после того, как упала в ледяную воду с моторной лодки в апреле? Я ведь виноват был. Меня как-то занесло, я случайно столкнул её. Но Ксюша так не считает, говорит: так случилось. Вообще, любимая её фраза «так случилось». Так вот! (что-то я отвлёкся). Она наконец выздоровела! И ещё... у неё ведь дальние родственники в Польше, я тебе уже рассказывал. Она скоро собирается их навестить в Кракове.

– Ясно, – ответил Евсеев устало, – чувствую я: ты с ней собираешься поехать.

– Всё верно, – сказал Смирнов счастливым голосом, – Поедем с ней в середине октября. Она мне кстати предлагала двойное гражданство оформить, как у себя. Я пока не собираюсь. Помню, как она мне свой семейный фотоальбом показывала. Так много кто был, но особенно мне запомнился её прапрадед. Знаешь, так на Пилсудского похож!

– Ну так грей себя мыслью, что можешь породниться с таким известным человеком... известным в Польше. Прости, но у нас о нём не многие знают, да и не хотят особо знать.

– Думай как знаешь, но всё же это интересно! Кстати, я на пару недель собираюсь в вашу глухомань приехать, так что скоро увидимся!

Евсеев скривился. А если всё вскроется? Ему и так нереально тяжело было жить с мыслью, что он – убийца, а тут ещё... Нет! Нельзя, чтобы Матвей приехал, ведь ему может грозить смертельная опасность... от самого Коли! Евсеев и сам решил поскорее покинуть село, забыть обо всём поскорее, не вмешивая в это ни Матвея, ни Дегтярёва, ни Настю. Таков был его план на тот момент, если учитывать, что ему повезёт, и преступления не раскроют.

– Да нет, не стоит, братан, – начал Евсеев. – Пообщаться нормально всё равно не получится – работы невпроворот.

– Я ещё подумаю, – ответил Смирнов. – Позвоню тебе дня через три, когда приму твёрдое решение. Всё же хочется перед отъездом в Польшу поговорить с тобой нормально, не по телефону... tête-à-tête... без свидетелей... Пока.

«Без свидетелей». Эти слова словно раскалённым железом выжгли сердце убийцы. Без свидетелей! Ведь доктор, которого он убил в приступе гнева, мог стать важным свидетелем, через которого полиция вышла бы на него. Боже! Врач непременно засвидетельствовал бы, что удар были целенаправленными, и, вполне возможно, это было целенаправленное убийство!

Но ведь он не единственный свидетель. Были ещё врачи скорой помощи, хозяин бара и Пётр Семёнович. А что же делать с ними? Ведь нельзя же допустить, чтобы на него вышли. Нельзя!

Сначала мысли у Евсеева были хаотичными, но вскоре он пришёл к выводу: необходимо проверить, что могли бы он нём сказать оставшиеся свидетели.

Эту проверку он решил устроить на следующий день, а остаток этого провести дома. Парень позвонил Дегтярёву и отпросился на завтра. Целый день лил дождь, небо полностью затянуто тучами. Поздно вечером, перед тем, как лечь спать, Николай сделал запись:

«Запись номер пятнадцать. Я в дерьме...»

15 сентября 2011 года.

К полудню, не теряя времени даром, Евсеев подошёл к злосчастному бару и вошёл внутрь. Всё складывалось как нельзя лучше: кроме хозяина никого не было. Посетителей в том числе. Хозяин бара, мужчина лет за пятьдесят с небольшими седыми усами, стоял за барной стойкой и протирал стаканы вместо бармена.

Без лишнего промедления Евсеев приблизился к стойке и, поздоровавшись, начал выпрашивать у хозяина всё, что он знает о ночном происшествии. Мужчина отвечал, что не разглядел всего как следует, хотя и слышал от знакомых про смерть Метлина, и что, если полиция обратится к нему, то он им мало чем поможет.

Николай облегчённо выдохнул. Значит, бояться разоблачения не стоит. Можно и уходить.

Внезапно хозяин бара повернулся к парню и добавил: «О! Только сейчас и вспомнил! Видите как бывает в жизни... У меня же неделю назад камеры видеонаблюдения повесили. Так что не бойтесь, узнаем, почему вас друг умер... ещё раз мои соболезнования... такое горе... вы держитесь».

Тут Евсеев понял, что всё кончено. Либо он убивает хозяина бара, либо ему конец. Лицо парня стало мертвенно-бледным, и хозяин поспешил налить ему коньяк за счёт заведения со словами: «Видю, как вам плохо... Выпейте, легче станет».

Евсеев, когда жертва отвернулась, надел перчатки, моментально схватил рядом стоявшую пустую бутылку, разбил её и получившейся «розочкой» разодрал горло обернувшегося на шум мужчины. Именно разодрал, и не пришлось метить в сонную артерию, как это было с доктором.

Труп Евсеев положил за стойкой, прикрыв ковром, лежавшим ранее на полу перед выходом. С камерами трудностей не возникло: на теле убитого Николай легко нашёл ключи от крохотного кабинета, где и оказался установлен компьютер, на жёстком диске которого была вся информация. Уничтожив диск, заодно с компьютером, Евсеев быстрыми шагами направился к выходу. (Парень впридачу проверил, не сохранены ли видеозаписи в «облаке» – их там не было).

Выходя из бара, Евсеев и сам не заметил, что жестокое убийство хоть и смущало и тревожило его душу, но не вызывало уже того нестерпимого ужаса, как после убийства доктора. Нестерпимого, ... но адекватного. Адекватного для, наверное, любого человека, который видит грань между добром и злом и не переступает её, потому что знает *почему* нельзя её переступить или хотя бы потому, что боится этого.

Между тем по узенькому тротуару, идущему вдоль знакомой нам большой асфальтовой дороги неторопливо шагал наш добрый знакомый – Пётр Семёнович. В тот день он был задумчив больше обычного, ему не давала покоя история потасовки, свидетелем которой он стал, и которая привела к смерти молодого, полного жизни юноши, у которого всё ещё было впереди. Пенсионер с неподдельной грустью подумал, что лучше бы ему было в ту злосчастную ночь отправиться в мир иной, нежели несчастному парню. Больно думать, что через несколько минут эти грустные размышления обратятся в жуткую реальность.

Евсеев твёрдой походкой покинул бар и пошёл к асфальтовой дороге по гравиевой дорожке.

Итак, Николай шёл под прямым углом к дороге, вдоль которой шёл старик. Семёныч хотел, как обычно, сесть на свою любимую скамейку и погрузиться в раздумья. Евсеев заметил его и как-то полувздыхнул—полуусмехнулся.

Пётр Семёнович сел на скамейку и, заметив Евсеева, кое-как встал, приблизился к парню и пожал тому руку со словами: «Передать не могу, как я вам сочувствую... что-то нескладно сказал... одним словом, держитесь... я понимаю, у вас умер близкий друг, но мы вас поддержим. Всем селом поддержим! Только не отчаивайтесь! Жаль, конечно, парня... мне-то старику и так недолго осталось, пусть лучше бы меня Господь забрал, а не... мальчик же ведь ещё!»

Евсеев посмотрел на старика своими мертвенно-голубыми глазами и спросил: «Простите, вы знаете какие-нибудь подробности произошедшего?»

Пётр Семёнович с удивлением и тревогой взгляделся в лицо парня, очевидно желая найти на нём следы печали, тоски, гнева и чего-нибудь в этом роде, но не находил ничего подобного. Напротив, Евсеев был полностью спокоен, безэмоционален и сдержан.

– Не так я думал, вы отреагируете на мои слова, – нахмурился пенсионер. – Хотя подождите... Простите, я понял: вы сдерживаете свои чувства. Не сдерживайтесь! Расскажите, что у вас на душе!

– Я ещё раз спрашиваю: вам известны какие-нибудь подробности? Что вы видели своими глазами?

Не стоит думать, что Евсеев перестал переживать из-за смерти друга. Вовсе нет! И если двое намеренных убийств очень быстро перестали его мучить, то первое, непреднамеренное, не оставляло его в покое. Вот только виновным он себя считал лишь в малой степени, а действительно виновными – врачей.

По ходу дела пенсионер рассказал всё, что знал, почти ничего не скрыв от убийцы. Почему *почти*? Дело было вот в чём: Пётр Семёнович не видел, как Евсеев бил Костю по голове; но, когда первый выволлок из бара второго, слышал, как Николай откровенно угрожал Метлину, как грубо вёл себя с ним. Можно было сказать, что Евсеев был не в себе и способен был натворить много чего. Как бы Семёныч не отгонял плохие мысли о подозрительном поведении Николая, они вновь посещали его и без того уставшую голову. Несмотря на это старик пытался не подать виду и сохранить самообладание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.